

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕАКЦИЙ НАРКОЗАВИСИМЫХ ПРИ ДЛИТЕЛЬНОЙ РЕМИССИИ

С. П. ЕГОРЧЕНКО

THE PECULIARITIES OF MOTIVATION SPHERE AND PERSONALITY REACTIONS IN DRUG ADDICTS DURING A PROLONGED REMISSION

S. P. YEGORCHENKO

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова

Показаны изменения процессов смыслообразования, мотивационной сферы, фрустрационных реакций у бывших наркозависимых, находящихся в длительной ремиссии. Сделан вывод, что отказ от наркотических веществ может привести к этим изменениям.

Ключевые слова: мотивационная сфера, фрустрационные реакции, бывшие наркозависимые, длительная ремиссия.

The changes in the processes of meaning forming, motivation sphere, frustration reactions in the former drug addicts during a prolonged remission are shown. It is concluded that refusal from the drugs can cause these changes.

Key words: motivation sphere, frustration reaction, former drug addicts, prolonged remission.

Ситуация с распространением химической зависимости, сложившаяся в настоящий момент в нашей стране, ставит перед медико-психологической службой в качестве первоочередной задачи, требующей немедленного разрешения, разработку мер профилактики и лечения наркомании. Несмотря на широкомасштабные и громогласные мероприятия, проводимые в целях борьбы с указанным злом, — контроль над распространением прекурсоров, психоактивных веществ (ПАВ), обличение в СМИ, ужесточение контроля со стороны правоохранительных органов и многие другие, следует признать малую эффективность методов, ориентированных на внешние цели. Об этом свидетельствуют, в частности, низкие процентные показатели статистически достоверной длительной ремиссии: в лучших мировых клиниках 20–30% от числа поступавших [1].

На сегодняшний день исследовано и достаточно эффективно разработано избавление от физической зависимости с помощью медикаментозной терапии, различных методов детоксикации, физиотерапии и т. п. В то же время изучение психологической зависимости и мотивации наркозависимых, а следовательно, и разработка эффективных реабилитационных программ, к сожалению, находится еще в стадии развития, несмотря на острую социальную актуальность данной проблемы. Существующее множество различных программ не удовлетворяет запросов общества в качестве психореабилитационных средств, способствующих длительной ремиссии [2].

Учитывая изложенные обстоятельства, мы изучили психологический профиль и фрустрационные

реакции бывших наркозависимых, находящихся в длительной ремиссии (от 3 до 16 лет).

Целью исследования явились особенности мотивационной сферы бывших наркозависимых и реакции на фрустрирующие факторы, способствующие сохранению ремиссии и активной включенности в социальную жизнь и творческую деятельность.

Проблема мотивации — одна из важнейших в человекознании, выступающая составной частью практически всех исследований. Мотивационная сфера является основополагающей для психологической характеристики всей личности в целом при рассмотрении разных ее аспектов и на разных уровнях [3–7]. Некоторые ученые трактовали мотив как побудительную, движущую силу. В. Н. Мясищев указывал на потребность как основной источник жизненной активности личности, основное ее проявление и важнейший дифференцирующий момент в характеристике личности [8]. По мнению Э. В. Мельник [9], мотивация, активизируя мозг, выступает как энергетический фактор, «слепая сила», которая участвует в создании предпусковой интеграции — состояния готовности к выполнению предстоящей деятельности. Этот вопрос разрабатывал также И. Ялом [10], подчеркивавший, что мотивация может влиять на волю, но не может заменить ее, и соответственно объяснять поведение одной лишь мотивацией — значит освободить человека от ответственности за его действия. Тем не менее зачатки воли заключены уже в потребностях как исходных побуждениях человека к действию [11]. Биологические потребности находятся на «уровне неосознанного влечения»

и, лишь отражаясь в различных видах ощущений, дифференцируют предмет потребности. Не следует поэтому представлять мотив непременно как осознанное побуждение к определенному действию, как «абсолютное начало».

Данная точка зрения отражает понимание потребности как нужды, которую А. Маслоу [12] называет «дефицитом», устранив который индивид снимает напряжение, восстанавливает гомеостаз. Кроме обычных нужд витального характера, автор выделяет потребности в развитии (в самоактуализации, любви, безопасности, эстетические потребности), которые нуждой, дефицитом не объяснишь. Казуистика личностных мотивов безотносительно к логике задач, решаемых человеком, имеет место лишь при малозначительной деятельности. В основном сила объективной логики вещей такова, что она скорее использует личные мотивы человека как «приводной ремень» для того, чтобы подчинить его деятельность решению задач, в разрешение которых он включен [6]. Как указывает Н. А. Сирота [13], мотивация находится под влиянием внутренних и внешних воздействий, причем ведущим, как правило, оказывается внутренне воздействие (побуждение), а внешнее — выступает в виде «социальной почвы».

Фактором, ответственным за многие проявления нарушений познавательной деятельности, является мотивационная смещенность у больных. Этот факт имеет принципиальное значение, поскольку говорит о том, что все психические процессы проявляются в по-разному оформленных видах деятельности, опосредствованных, личностно мотивированных. Такой подход позволяет разрабатывать многие теоретические вопросы психологии личности, такие, как иерархизация мотивов, их опосредованное строение, проблема смены ведущей деятельности, целеобразования. В одних случаях выздоровление меняет строение мотивов, изменяет их иерархию, опосредованность, в других смыслообразующая функция мотива перемещается на цель, что способствует критичности и подконтрольности поведения личности, порождению новой ведущей деятельности, изменению прежней иерархии мотивов. Некогда ведущие мотивы поведения постепенно утрачивают в ходе болезни свою реальную побуждающую и смыслообразующую функции [4].

Все сказанное обуславливает актуальность и перспективность исследования изменения процессов смыслообразования, мотивационной сферы, реакций на фрустрирующие агенты у бывших наркозависимых, находящихся в длительной ремиссии.

Проверяемые гипотезы в нашем исследовании: 1) отказ от употребления ПАВ видоизменяет мотивационную и смыслообразующую сферы бывших наркозависимых; 2) наиболее полно эти изменения могут проявляться при различного рода фрустрациях определенными поведенческими паттернами

при возможном сохранении скрытой мотивации к употреблению наркотических веществ.

Были обследованы 50 испытуемых в возрасте от 27 до 40 лет, прежде употреблявших наркотики в течение 3–7 лет, и находящихся в состоянии ремиссии, как указывалось, от 3 лет до 16 лет.

При обследовании были применены следующие тесты и методики изучения мотивации и смыслообразования: «Жизнестойкость» Д. А. Леонтьева [7]; «Тревога» Дж. Тейлор [10]; «Мотивация употребления наркотика» (МУН) В. Ю. Завьялова [14]; «Методика изучения фрустрационных реакций» С. Розенцвейга [15].

Выбор данных методик обоснован тем, что, с нашей точки зрения, именно в данных плоскостях в более короткие сроки происходят (или проявляются ранее приобретенные) видимые изменения у обследуемых. С помощью модифицированного нами опросника МУН мы определяли мотивы направленности личности (совокупность каких-либо мотивационных образований и устойчиво доминирующую систему мотивов). Работа проводилась в реабилитационных центрах «12 Ступеней», «Vita» и обществе «АН» (анонимные наркоманы).

В результате исследования получены следующие данные. По шкалам жизнестойкости [7] среднее значение составило 83,2 балла (норма N 80,72), свидетельствующее о выраженной целеустремленности, наличии очень значимых целей в жизни. По шкале контроля получено 28,32 балла (N 29,17), что свидетельствует об убежденности в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. По шкале вовлеченности среднее значение — 36,85 (N 37,64) характеризует способность личности выбирать жизненные приоритеты и собственную деятельность и возможность повлиять на результаты происходящего. По шкале принятия риска средний показатель — 18,025 (N 13,91) — позволяет предположить, что бывшие наркозависимые открыты для нового опыта, смело вступают в реальную жизнь.

По шкале тревоги [10] отмечен высокий уровень тревоги (21,5 балла), что свидетельствует о большой значимости поставленной задачи и выраженности прилагаемых усилий для ее решения.

По методике МУН в первую триаду шкал входит группа социально-психологических мотивов приема наркотиков. По шкалам традиционного приема получено среднее значение 10,97 балла (27,4%) — высокий показатель, свидетельствующий о большом соблазне испытать новые ощущения. Субмиссивные мотивы — 7,42 (18,55%) — характеризует умение индивида отстоять свою позицию, невзирая на пример авторитетных лиц. Псевдокультурные мотивы — 7,13 (17,8%) свидетельствуют о стремлении бывших наркозависимых отстраниться от наркотических ценностей социальной микросреды.

Вторая триада состоит из группы личностно значимых мотивов. При этом гедонистические мотивы — 11,11 балла (27,7%) — отражают скрытое желание получить удовольствие от действия наркотика. Атарактические мотивы имели средний показатель 11,63 (29,1%), что свидетельствует о наличии внутреннего напряжения, страха. По мотивам гиперактивации поведения среднее значение 9,5 балла (23,7%) характеризовало умение обходиться без наркотических веществ, способность длительное время пребывать в ясном сознании.

В третью триаду входят патологические мотивы. По шкалам абстиненции средний показатель у наших обследованных составил 11,71 балла (29,2%) и прослеживалось четкое определение жизненных приоритетов, способствующее отвлечению сознания от употребления наркотических веществ. Аддиктивные средние показатели — 12,5 (31,25%) позволяют предположить, что мысли о наркотиках продолжают возникать у обследованных, несмотря на отсутствие их реализации в жизни. По шкале самопожертвования выявленное среднее значение 10,55 (26,3%) свидетельствовало о внутренней борьбе с желанием употребить наркотические вещества, связанной с осознанием ценности собственной жизни.

По профилю фрустрационных реакций наблюдалось доминирующее значение фактора (Е) — 8,70 балла (36% реакций), что свидетельствовало о повышенных требованиях, предъявляемых бывшими наркозависимыми к окружающим, преобладании в их поведенческих паттернах открытых проявлений агрессии, обвинения и враждебности, направленных на окружающих.

Занимающий второе место в ряду преобладающих реакций фактор (i), имеющий средний показатель 3,77 балла (15%), указывает на наличие и включение в повседневное поведение конструктивных подходов, задействованных в разрешении сложных жизненных ситуаций.

И, наконец, занимающий третью позицию фактор (М) со средним значением 2,97 балла (12%) выявил среди основных реакций у испытуемых внешненаправленное поведение, замещающее реакции принятия вины и ответственности за происходящее на себя и обуславливающее нейтральные, безобвинительные способы реагирования.

Средний показатель степени социальной адаптации (GCR) был равен 6,42 балла, что соответствует 46% от среднестатистической нормы.

На основании полученных данных можно предположить, что в ситуациях фрустрации, возникающих в процессе социального взаимодействия испытуемых, их поведение значительно отличается от поведения среднестатистического большинства людей в аналогичных ситуациях, что может быть признаком их недостаточной социальной адаптации.

В результате проведенного исследования были зафиксированы определенные изменения процессов смыслообразования, мотивационной

сферы и реакций на фрустрирующие факторы в группе лиц, находящихся в длительной ремиссии. Эти изменения наиболее полно проявлялись при различного рода фрустрациях определенными поведенческими паттернами при возможном сохранении скрытой мотивации к употреблению наркотических веществ.

Полученные данные позволяют сформулировать следующие выводы.

Высокий уровень тревоги свидетельствует о значимом внутрличностном конфликте, осознании необходимости внутренних перемен, наличии различных опасений и страхов за будущее.

По шкалам МУН прослеживается повышение уровня значений от группы с традиционными мотивами употребления ПАВ (шкала 1) до группы с личностно значимыми мотивами (шкала 4–5) и максимальное значение в группе с патологическими мотивами (шкалы 7–9). Таким образом, процесс ухода от наркозависимости больше подчиняется внутренним закономерностям (личностные, психофизиологические и биологические факторы, способствующие сохранению ремиссии на фоне скрытой мотивации к употреблению ПАВ) и меньше — внешним влияниям и факторам окружающей среды.

Изучение профиля фрустрационных реакций у лиц, находящихся в длительной ремиссии, свидетельствует о том, что у испытуемых преобладающим является фактор (Е), показавший, что при фрустрирующих ситуациях в 36% случаев наблюдается внешненаправленное агрессивное поведение, повышение требований к окружающим. Это может служить одним из косвенных признаков неадекватной самооценки, открытых проявлений агрессии, обвинения, враждебности, когда порицания направлены на кого-либо или что-либо в окружении.

Вместе с тем высокий показатель фактора (i) свидетельствует о принятии обследованными ответственности за все происходящее на себя и стремлении управлять собственной жизнью, о наличии конструктивного подхода к происходящему.

Следующим по степени представленности является фактор (М), позволяющий заключить, что испытуемые в ситуациях фрустрации склонны преуменьшать травмирующие, неприятные аспекты этих ситуаций и тормозить внешненаправленные обращения к окружающим. Ответственность лиц, попавших во фрустрирующую ситуацию, сведена к минимуму.

На основании показателя GCR, имеющего значение 46%, лишь условно можно говорить о состоянии адаптации к окружающему. В то же время полученные данные свидетельствуют о наличии скрытых резервов, которые нуждаются в выявлении и развитии с целью повышения адаптации к условиям окружающей среды и дальнейшего улучшения качества жизни бывших наркозависимых.

Литература

1. Белокрылов И. В. Расстройства личности у больных с зависимостью от ПАВ: вопросы методологии исследования и систематики // *Вопр. наркологии.*— 2004.— № 4.— С. 47–56.
2. Тимошенко И. Соснин А. Мотивация личности и человеческих ресурсов.— Киев: Либідь, 2004.— 430 с.
3. Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. О некоторых перспективах смысловых образований личности // *Вопр. психологии.*— 1979.— № 4.— С. 23–27.
4. Братусь Б. С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме.— М.: Наука, 1974.— 340 с.
5. Вилюнас В. К. Психологические механизмы биологической мотивации.— М.: Наука, 1986.— 343 с.
6. Иванченко Г. В. Личностный потенциал и возможности: мотивационные аспекты // *Совр. психология / Под ред. Д. А. Леонтьева.*— М.: Смысл, 2002.— С. 278–288.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание и личность.— М.: Наука, 1973.— 467 с.
8. Мясищев В. Н. Психология отношений.— М.: МОДЭК, 2003.— 400 с.
9. Мельник Э. В. Активационная теория наркологических заболеваний // *Вісн. псих. здоров'я.*— 2001.— № 1–2.— С. 23–25.
10. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия.— М.: Класс, 2005.— 576 с.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— СПб.: Питер, 2004.— 713 с.
12. Маслоу А. Гуманистическое направление в теории личности.— СПб.: Питер, 1999.— 357 с.
13. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Мотивация в контексте первичной, вторичной, третичной профилактики наркозависимых // *Наркология.*— 2002.— № 8.— С. 43–49.
14. Завьялов В. Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости.— Новосибирск: Наука, 1998.— 196 с.
15. Тарабрина Н. В. Методика изучения фрустрационных реакций // *Иностранная психология.*— 1994.— Т. 4, № 2.— С. 35–37.

Поступила 31.10.2008